

Стыд как эволюционный анахронизм: почему наша сексуальность кажется нам «ненормальной»

Дата публикации: 02.09.2026

Есть переживания, о которых человеку трудно рассказать даже психотерапевту. Не потому, что для них не хватает слов, а потому, что за словами скрывается гораздо более тяжелый вопрос: «Что со мной не так?» Сексуальные фантазии, изменение желания, ревность, страх потерять партнера, противоречие между любовью и влечением способны восприниматься не просто как психологическая проблема, а как доказательство собственной «ненормальности». Именно с этим внутренним приговором предлагает работать необычный подход на стыке сексологии, клинической психологии и эволюционной биологии.

В основе метода лежит довольно радикальная идея: прежде чем оценивать человеческое сексуальное поведение с позиции современной морали, стоит попытаться понять, почему соответствующие эмоциональные и поведенческие механизмы вообще появились. Наш мозг не был спроектирован для счастливого брака XXI века, социальных сетей, приложений знакомств или идеального эмоционального самоконтроля. Он формировался естественным отбором в

совершенно иных условиях, где размножение, выбор партнера, конкуренция и сохранение отношений непосредственно влияли на передачу генов следующим поколениям.

Именно поэтому некоторые реакции, кажущиеся сегодня иррациональными, могут иметь очень древние корни. Эволюционная психология рассматривает ревность, например, как возможный компонент системы удержания партнера. Конкурентное поведение может быть связано с борьбой за репродуктивные возможности, а некоторые изменения сексуального интереса — с механизмами выбора партнера. Существуют и более конкретные концепции, включая охрану партнера, сперматозоидную конкуренцию и гипотезу овуляторного сдвига, хотя отдельные положения эволюционной психологии сексуальности, особенно предполагаемые изменения женских предпочтений в течение цикла, остаются предметом научных дискуссий.

В терапии ценность этих идей заключается не обязательно в том, чтобы установить единственную эволюционную причину конкретного поведения. Гораздо важнее изменение точки зрения. Вместо «у меня возникает это чувство, следовательно, со мной что-то неправильно» человек получает возможность сформулировать иначе: «мой мозг способен создавать такую реакцию, потому что подобные механизмы являются частью человеческой природы».

Разница кажется небольшой, но психологически она огромна. Стыд отличается от обычного чувства вины. Вина чаще связана с поступком: «я сделал что-то неправильно». Стыд гораздо глубже: «неправильный — я сам». Именно поэтому простое утешение зачастую не помогает. Фраза «тебе нечего стыдиться» может быть произнесена с лучшими намерениями, но человек продолжает чувствовать себя исключением из нормы. Его внутренний вопрос остается без ответа.

Эволюционная перспектива предлагает не спорить со стыдом напрямую, а изменить контекст, в котором он возник. Если человек испытывает мучительную ревность, объяснение возможных эволюционных корней этого чувства не говорит ему: «ревновать хорошо». Оно сообщает другое: способность испытывать ревность сама по себе не делает человека дефектным. Это эмоциональная система, которую человеческий мозг способен включать при определенных обстоятельствах.

Такой подход можно сравнить с сигнализацией в доме. Она была создана для обнаружения опасности, но иногда срабатывает от подгоревшего хлеба. Знание назначения сигнализации не означает, что нужно терпеть ее бесконечный вой. Напротив, понимание механизма позволяет решить, почему он срабатывает и что с этим делать. Аналогично эволюционное происхождение ревности,

сексуального импульса или конкурентного поведения не является оправданием любого поступка. Между возникновением чувства и решением действовать в соответствии с ним остается пространство человеческого выбора.

Это принципиальное ограничение эволюционного объяснения. «Естественное» не означает «правильное». Агрессия, страх, соперничество и множество других реакций также имеют глубокие биологические корни, однако общество не обязано считать любое их проявление приемлемым. Эволюционная сексология в терапевтическом контексте может объяснять происхождение импульса, но не отменяет согласия, этики, ответственности и границ другого человека.

Именно здесь возникает любопытная философская проблема. Представления о сексуальной норме исторически менялись вместе с культурой, религией, медициной и устройством общества. Поведение, которое одна эпоха считала признаком морального падения, другая могла воспринимать совершенно иначе. Более того, медицина сама неоднократно пересматривала границу между патологией и вариантом человеческого поведения.

Эволюционный взгляд добавляет к этому еще один уровень. Он предлагает спросить не только «соответствует ли мое переживание современной норме?», но и «почему человеческий мозг вообще способен его создавать?». В таком вопросе значительно меньше морального приговора и значительно больше исследовательского интереса.

Человек перестает смотреть на себя как на неисправный механизм и начинает рассматривать собственные реакции как результат сложной истории вида. Мы носим в себе нервную систему, которая формировалась не десятилетиями и даже не тысячелетиями, а на протяжении огромных промежутков эволюционного времени. Современная культура меняется несравнимо быстрее, чем базовые эмоциональные системы мозга. Отсюда неизбежно возникает конфликт между древними импульсами и новыми правилами жизни.

Это не означает, что каждую сексуальную фантазию или проблему можно объяснить естественным отбором. Человеческая сексуальность формируется одновременно биологией, индивидуальным развитием, отношениями, культурой, опытом и конкретными обстоятельствами. Эволюционная история — один из уровней объяснения, а не универсальный ключ ко всему поведению.

Но именно в работе со стыдом такой уровень может оказаться особенно ценным. Если человек понимает, что его переживание существует не в психологическом вакууме, ощущение абсолютной изоляции ослабевает. Вместо

«только я способен чувствовать подобное» появляется мысль: «человеческий мозг вообще способен так чувствовать». А это уже совершенно другая отправная точка для терапии.

В этом смысле эволюционная сексология предлагает не оправдание и даже не утешение. Она предлагает контекст. Древний механизм можно признать частью себя, понять, а затем решить, какое место он должен занимать в современной жизни.

Возможно, именно здесь скрывается главный терапевтический парадокс. Чтобы получить больше контроля над некоторыми сторонами собственной природы, человеку сначала приходится перестать считать постыдным сам факт их существования. Освобождение от стыда начинается не с отрицания своих импульсов, а с понимания того, откуда они могли появиться и почему миллионы лет эволюции создали человека гораздо более противоречивым, чем позволяют наши простые представления о «нормальном».